

ГОРБУНКИ

Маруся Апрель

18+

Маруся Апрель

Горбунки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Маруся Апрель

Горбунки / Маруся Апрель — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Впервые в жизни Оленька уезжает от родителей. Она едет с подругой в далёкую полузаброшенную деревню Горбунки. Там живут Катины родные: бабушка Настя и дедушка Лёня. Несколько холодных зимних дней и ночей предстоит провести Оленьке в их доме. Без Кати. Верить ли записке, которую передала подруга? Так ли добра баба Настя, как рассказывала про неё Катя? И какую же тайну скрывает заколоченный старый дом?

Маруся Апрель

Горбунки

Горбунки

Глава 1

– Ген, поворот не пропусти! А то глядишь, не дождутся нас бабулечка с дедулей!

Водитель, худощавый небритый мужик лет пятидесяти, обернулся и, сделав суровое лицо, прогудел: «Полковнику никто не пишет. Полковника никто не ждёт».

Девчонки снова прыснули.

– Ты нас так живыми не довезёшь. Помрём тут с тобой со смеху.

– Не боись, девчоночки, прорвёмся!

Снег валил хлопьями, залепляя стёкла. Дворники едва справлялись, и новенькая «двешка» – крохотная точка на кружащейся земле, грозилась заглохнуть прямо посреди просёлочной дороги.

В этой прогретой уже машине, с этим простым мужиком и с Катей, с которой никогда и ничего не было ей страшно ехала бы Оленька всю оставшуюся жизнь.

Но дядя Гена резко свернул, и она, так и не разглядев сквозь заснеженное окно надписи на указателе, всё-таки поняла, что въехали они в Катину деревню – в Горбунки.

Когда-то была деревня большой, а теперь осталось в ней всего четыре жилых дома. Оленька, гадавшая, какой из них Катин, поёжилась и с опаской посмотрела на подругу, когда остановились они перед низким, будто вросшим гнилой грибницей в землю червивым домом-грибом с заколоченными крест-накрест окнами.

– Ген, ну ты чё? Глазёнки-то с утра промывал? – обиженно произнесла Катя.

– Тьфу ты! – Машина медленно попятилась. – Совсем вы меня, девчонки, заговорили!

Морозный воздух обжёт щёки.

– Вы весь гардероб сюда притащили, что ли? – вынимая из багажника два чемодана, поинтересовался водитель.

Катя хитро улыбнулась и протянула ему мятую купюру.

– Ну ты чего, Катюш, мы ж свои, – но денежку всё-таки взял, добавив: «Деткам тогда, на сладости».

– Ты, Ген, сладостями-то не увлекайся, тебе ещё нас обратно везти.

– Обижает, Катрин! Буду как штык! Значит, на неделю тут? Ну, маме Насте привет! Заходить уж не буду.

Он сел в машину и уехал.

За новым в снежных шапках забором стоял большой бревенчатый дом.

Было семь утра, но сквозь окна в резных наличниках просвечивал тусклый желтоватый свет. Из трубы на крыше валил дым.

Снег, нетронутый, девственно-белый, покрывал всё вокруг, и только прочищенная кем-то дорожка говорила о том, что их ждут.

Из отверстия внизу деревянной двери выскочил чёрный котёнок и промчался мимо.

– Кажется, у нас пополнение, – сказала Катя, и повернувшись к подруге, ободряюще улыбнулась: – Ну, вот, Оленька, мы и приехали. Давай-ка не робей. Заходи!

Они прошли через холодную веранду, которую Катя назвала крыльцом. Протащили чемоданы через тёмную маленькую комнатку – сени, и оказались перед обитой серой клеёнкой дверью.

Катя потянула за железную ручку. Из жаркой избы пахло супом, сладкими булочками и сушёными какими-то травками.

Маленькая полноватая старушка в шерстяном болотного цвета платке, в цветастом фланелевом халате, опираясь на гладкую палку, бросилась обнимать внучку. Она расцеловала её в щёки, в нос, в лоб, всюду.

– Любимочка моя! Приехала-таки!

Увидев Оленьку, она немного оробела.

– Бабуль, знакомься, это Оля. Подруга моя. Библиотекарь. Я тебе про неё рассказывала.

– А... Библиотекарь. Помню, помню.

Баба Настя, будто застенявшись чего-то, улыбнулась, и между двух её передних зубов заметила Оленька такую же, как у Кати, щербинку.

И блеском карих глаз была она похожа на Катю, точнее, Катя была похожа на неё. Только иссиня-чёрные волосы внучки были модно подстрижены до плеч, а бабушкины, седые, спрятаны под платок.

– Что ж стоите-то. Одежду здесь вешайте. Руки мойте и за стол.

Бывшую впервые в деревенском доме Оленьку поразила огромная печка и жёлтые в оранжевых кругах занавеси вместо комнатных дверей.

Намыв руки под рукомойником заботливо подогретой кем-то водой, они пошли в комнату – залу.

Небольшая, квадратная, она отделялась от соседней комнаты неровной в блёклых обоях не доходящей до потолка стеной-перегородкой. Слева – высокая с горой взбитых подушек в кружевных покрывалах кровать, справа – промятый диванчик, прямо, между деревянными с двойными толстыми рамами окнами – покрытый ромашковой клеёнкой прямоугольный стол.

С портретов на стене смотрели на входящих чёрно-белые лица: четверо похожих друг на друга мужчин, в одном из которых узнала она дядю Гену, и молодая девушка. Оленька догадалась, что это были дедовы сыновья и Катина мама.

Вслед за подругой она пошла к столу и замерла.

За кружевным укрывавшим железную спину кровати полотном, словно коршун, сидел за столом худой горбоносый с копной всклокоченных пепельных волос старик. Перед ним в глубокой миске дымился суп. Слева от неё стояла налитая до середины рюмка, справа на белой салфетке располагались ложка и ломоть белого ноздреватого хлеба.

Он медленно повернулся и наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, полез в правый карман и, достав оттуда круглые с толстыми линзами очки, надел их.

– Катька, ты, что ли?

– Я, деда, я!

Катя бросилась к нему и, почти свалившись на колени, позволила и ему обнять и смачно расцеловать себя.

– Мать! – грозно окрикнул дед. – Ты чего не сказала-то!

– Так я ж не знала! Вдруг бы не приехали, а ты б ждал, – ласково проговорила бабушка.

– Не знала она. Чего ты только знаешь!

Дед снова замер.

– А это кто с тобой?

– Это Оленька. Подруга моя.

– Ну, Оленька, подойди, дай на тебя глянуть! – приказал дед.

Оля приблизилась.

Дед снял очки, просверлил её своими глубоко посаженными глазами. Положил зачем-то на лоб ей руку. Оленьке подумалось, что сейчас он попросит её открыть рот. Но он опустил руку и сказал вроде бы одобрительно: «Оленька, значит. Ну, с прибытием тебя, Оленька».

– Мать, мы завтракать будем или как? – крикнул он бабе Насте.

– Иду, Лёничка, не гневись, иду!

И, неся в морщинистых руках обёрнутый в серенькую какую-то тряпочку котелок, вошла баба Настя.

Она поставила его на приготовленную заранее круглую доску, и когда подняла с него крышку, по комнате разнёсся такой аромат, что у Оленьки рот наполнился слюной. Только тогда она вспомнила, что со вчерашнего ужина в поезде они ничего не ели.

Тушёная картошка с мясом оказалась бесподобной. Дедушка Лёня настоял, и бабушка налила им по стопочке какой-то чудесной собственного приготовления наливки, а потом и по второй, и разомлевшая Оленька, никогда в жизни не пившая ничего крепче шампанского, вслушиваясь в непрерывные расспросы бабы Насти о Катиной работе в больнице, и об учёбе в «медцинском», и как всегда весёлые житейские ответы подруги, думала о том, как же всё-таки здесь хорошо, тепло и уютно.

И все они отчего-то так смеялись, что у Оленьки заболели от смеха щёки.

То ли из-за того, что она не выспалась, то ли из-за какого-то вязкого жёлтого света лампы Оленьке показалось на миг, что всё это ненастоящее – какая-то сказка, из которой ей не хотелось теперь выходить.

После третьей рюмки картинка начала смещаться, и Оленька, уложенная Катей тут же на диванчике, заснула, сквозь сон слыша ласковую перебранку бабушки и внучки за право мыть посуду.

Глава 2

Когда она проснулась, за окнами уже потемнело.

Баба Настя с Катей шептались.

– Когда?

– В аккурат после святок. Хорошо, хоть Генка с Любкой помогли, принесли, чего было.

Да печку Генка прочистил.

– Дед знает?

– Что ты, что ты! От греха подальше.

– Ох, бабулечка, партизанка ты у меня!

– А сама-то? Про библиотекаршу чего не сказала?

– Я ж не знала! А ты б марафет наводить стала. Дед говорит, и так вон здоровье ни к чёрту.

– Сама не знаю чё вдруг, то как схватит, аж всё разом, а потом отпускает. – И немного помолчав: – Есть у неё кто?

Оленьке стало неприятно, что она невольно подслушивает и что говорят о ней. Она кашлянула.

Катя тотчас к ней подбежала.

– Ну, ты даёшь, подруга, полдня проспала. Давай, вставай, лежебока! Бабулечка тебе супа оставила.

И был горячий суп-рассольник из печки и снова рюмочка с разговорами.

Катя вспомнила вдруг, что не вручила ещё подарки.

Подмигнула Оленьке, и та принесла из чемодана коробку любимых бабы Настиных конфет.

Катя купила их сама и отдала подруге перед отъездом.

– На, моим подаришь.

От денег отказалась, а в ответ на то, что «места в чемодане нет», провела ревизию и, обнаружив толстый том «Красного и чёрного», конфисковала его «до возвращения» со словами: «Ну уж нет, мы туда не читать едем».

Оленька шутя спросила:

– А что мы там делать будем?

– Жить, Оленька, жить!

Что по-Катиному значило «жить», Оленька не знала.

Баба Настя посмотрела на внучку, будто тотчас поняла всё.

Убрала конфеты в сервант.

– Спасибо, Оля, угодила.

– Бабулечка, а это тебе от меня!

В перевязанном тесёмочкой мешочке из красной органзы лежали жемчужные бусы и такие же клипсы.

Баба Настя промокнула тыльной стороной морщинистой руки уголки глаз.

С клипсами справилась сама. Катя помогла ей застегнуть замочек на бусах.

Оленька, подумавшая было, что жемчуг носят только молодые девушки, залюбовалась на бабушку Настю. Так красиво смотрелись крупные бледно-кремовые горошинки на её тёмной от многолетнего загара коже.

– Зеркальца бы, – попросила баба Настя, и дед, опередив Катю, доскакал до серванта и поставил перед женой круглое на ножке зеркало.

Она поворачивала голову и так и эдак и улыбалась своему отражению.

Потом, заметив, что все на неё смотрят, отложила зеркальце, будто извиняясь.

– Катюша, зачем же ты, дорого ведь?

– Что ты, бабулечка, это ж так... бижутерия. А я зарабатываю.

– Ты б на себя лучше тратила, вон опять целый чемодан навезла!

– Так нечасто ж, – будто оправдывалась Катя, – это – малым Генкиным, это – Любке, а это, деда – тебе. – Катя протянула ему чёрный пакет. – И Генке такой же.

Дед достал из чехла охотничий нож из блестящей стали.

Оленьке показался он огромным.

Бабушка ахнула:

– Опять оружие! Один ружьё оставил, вторая ножи дарит.

– Что за ружьё-то?

– Да кто ж его знает. Вовка летом по банкам стрелял, забирать не стал, зачем, говорит, оно мне в Москве.

– Не ружьё это, Катька, – махнул рукой дед, – так, игрушка пневматическая.

– Всё тебе игрушки, – баба Настя покачала головой.

Глава 3

Вечером была баня, самая настоящая, своя.

Бабушка с дедом пошли мыться первыми.

И Оленьке как-то неловко было от того, что они, такие старенькие, моются вместе. Катя, будто прочитав её мысли, сказала, что дед-то плохо видит, он и воды себе налить не сможет, обожжётся ещё ненароком.

Но дедушка Лёня, который даже воды налить не мог, встретив их в набедренном полотенце, нахлестал веником так, что если и оставалось ещё что тяжёлого на сердце, у каждого своего, всё вышло с потом.

А после, когда быстрая Катя уже домывалась, Оленька, сняв купальник, лёжа на полке в парилке, прищурился зелёные свои глаза, с шумом вдохнула аромат поднесённого к носу липкого комочка смолы и попробовала на вкус солоноватые капельки, выступившие на белокожем теле. Подумалось Оленьке, что и она ведь по-своему красива. Отчего же не нужна никому её большая (Оленька прятала её под свободный свитер), с розовыми шероховатыми вершинками грудь, округлый животик, и то, что прячется за почти сливающимися с телом золотистыми волосками, между чуть полноватыми её гладкими бёдрами? Отчего худая черноглазая Катя, будучи всего

на три года старше, успела уже побывать замужем, а светловолосая Оленька и целовалась-то всего однажды? Пройдёт её молодость. Зачем ей тогда красота вся эта?

Дымчатый, похожий на волка Набат, не вылезая из будки, проводил взглядом вышедшую из бани жаркую раскрасневшуюся Оленьку. Впереди слева торчал из земли огрызком дом-гриб. Оленьке привиделось, что в заколоченном его окне что-то мерцает. Она поёжилась, подумала о том, что надо спросить у Кати, живёт ли кто там, и побежала скорее в другой, тёплый, ставший ей уже родным дом.

Там ждал её чай из самовара с клубничным вареньем и хрустящее, пахнущее мылом и морозом постельное бельё.

Глава 4

В жаркой избе, на соседней с Оленькиным диванчиком высокой кровати, раскинув руки в стороны и приоткрыв рот, посапывала Катя. В зале ворочалась, постанывая во сне, баба Настя.

Оленьке не давал заснуть бурлящий с переливами храп дедушки Лёни.

Худощавый, на 14 лет старше, всю их семейную жизнь он командовал бабушкой. А как несколько лет назад плохо видеть стал, так и вовсе она перед ним по струнке ходила, слушалась его во всём. И любила его безмерно. И дедушка Лёня бабушку Настю очень любил. Они друг другу наградой и утешением были.

Оленька знала это от Кати.

Когда бабушка Настя вместе со своей тёткой пришли к ним в деревню, черноволосый с колючим взглядом ярко-синих глаз Лёня был уже вдовцом. После смерти жены он стал выпивать из города журналы и выводить новые сорта невиданных здесь, на севере, мясистых помидоров, строил с сыновьями новый дом и ходил охотиться на медведей. По деревне говорили, что если кто хотя бы косо на кого из его четырёх сыновей посмотрит, он того в землю зароет. А Насте тогда всего семнадцать годков было, на пять больше, чем старшему дедову сыну. Младшему, Генке, было тогда четыре. Но смогла Настя так всех к себе расположить, что все они её обожали, и она ничего не боялась. Родилась у них потом с Лёней девочка, Катина мама. А больше детей не было.

Катя, ездившая к бабке с дедом каждый год, сразу после сессии, когда зимние новогодние родственники уже уехали, а летние отпускные ещё не приехали, поддалась, наконец-то, на уговоры подруги взять её с собой. Оленьке, выезжающей из города только с родителями на дачу, давно мечталось побывать в деревне, о которой столько всего рассказывала Катя.

Удивило её немного, что мама отпустила её без уговоров и будто даже рада была немного от того, что она, Оленька, уезжает.

Кровать заскрипела, дед во сне что-то пробурчал и перестал храпеть.

Вспомнилось Оленьке, как спросила Катя про чёрного Тишку. Баба Настя, сказала, что принесла его Муська ещё летом, а внучата попросили оставить. Котов баба Настя не любила: что от них толку? Оставляла только кошек. Их в избе было две: мать звали Серкой, а дочку Муськой. Старая Серка видно совсем плохо стала слышать, сидела летом под колесами у Генкиной машины, он и придавил её случайно. Мордочка у неё была теперь перекошена на один бок. И от этого казалось, что она всегда ухмыляется. Дед, возмущаясь, рассказывал про бабушку: «Три месяца с ней шоркалась: та же жрать ничего не могла, так она её и к ветеринару в город возила, и уколы сама колола и с пипетки её выкармливала».

А про Тишку бабушка Настя сказала:

– Гадит везде, паскуда. Нарушать его надо.

И на вырвавшийся у Оленьки вопрос: «Как нарушать?» – показалось ей, что с лёгкой какой-то усмешкой баба Настя ответила:

– Ясно как. А коли добрая такая, забирай себе, в город.

Никак не могла понять Оленька, почему молодого здорового Тишку бабушке не жалко, а старую Серку, которой и жить-то осталось всего ничего, она пожалела.

Глава 5

Проснулась Оленька за полдень. Блаженно потянулась.

Баба Настя за стенкой выговаривала:

– Не пуцу! Никуда не пойдёшь! Ты ко мне приехала иль хвостом вертеть?

– Тише. Оленьку разбудишь.

– Я не сплю, – произнесла Оля.

Катя тут же бросилась к ней.

– Завтрак кто-то уже проспал.

Оленька заметила, как чисто стало в доме. У бабушки Насти и так было уютно, но Катя, и когда успела, намыла клеёнку в кухне, отёрла плиту, полазила по углам, надраила полы, сняла все половики. Лежали они теперь на крыльце, вытряхнутые.

Вспомнилось Оленьке, как вернувшись однажды с дачи, не узнали они собственную кухню. Братова пассия, переехавшая к ним за неделю до этого, навела там порядок: вынесла на помойку лежавший ещё с рождения Оленьки прилипший к полу ковёр, и вместо него выделялось теперь под овальным большим их столом невыцветшее пятно линолеума, серенькую в мелких цветочках льняную скатерть, подаренную родителям на 20-летие свадьбы, сменила на новую, современную: зато пачкаться не будет.

Мама ушла тогда в ванную, включила воду, и Оленька знала, что она там плачет. А Костина пассия сказала, что пальцем больше не пошевелит в этом доме.

Но не удержалась всё-таки, и ремонт в братовой, а теперь их совместной комнате к рождению близнецов всё-таки сделала, а больше и вправду ничего не трогала.

Вечером остановилась у дома машина. Как ни умоляла баба Настя Катю остаться дома: «Ты к кому приехала, к ним, гулять, или к бабке родной?», как ни грозились: «Уйдёшь, можешь даже не возвращаться, забирай свои чемоданы к чёртовой матери», они всё-таки отправились в какую-то дальнюю деревню, в нескольких километрах от города, где стоял железнодорожный вокзал, на который они вчера приехали.

Там уже ждала их в холодном каком-то доме молодёжь. И предусмотрительно взятая Катей не только водка, но и закуска, банка солёных огурцов и кусок пирога с капустой оказались весьма кстати, потому что на всём-то столе и стояло только: маленький круглый заварной чайничек и конфеты для девочек. А мальчики, выпивши из этого чайничка, занюхивали девичьими волосами.

То, что было в чайнике, Катя запретила Оленьке сразу: «Свалишься и не встанешь».

А Оленьке очень хотелось. И, в конце концов, пока Катя с местным Казановой, рискуя задеть кого-нибудь своими длинными ногами, выплясывала канкан, какой-то короткостриженный парень протянул Оленьке эмалированную, с отколотой ручкой кружку, с прозрачной водичей на дне. Выпив обжигающую эту жидкость, нисколечко она не опьянела, а только стало ей ещё беспечнее и счастливей. А когда все засобирались на дискотеку, и Катя потрясла её за плечо, сказав, что все одеты и ждут только её, Оленька попыталась встать и не смогла. Ноги не слушались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.